

М. Ю. ЛЮБИМОВА

Жизненный стиль и творческая манера Е. ЗамятинаБ^{*}

Писатель Ю. Нагибин в дискуссии «Литературной газеты» в 1989 г. высказал мысль о том, что для понимания творчества Е. Замятина читателю необходимо отыскать «душевный ход» к его личности¹.

Об особенностях личности Замятиной до начала 1920-х гг. можно судить только по его собственным высказываниям в письмах и автобиографиях. В дневниках и воспоминаниях (опубликованных и неопубликованных) студентов Санкт-Петербургского Политехнического института его имя не упоминается. Отзывы писателя Б. Лазаревского в дневниковых записях² и литератора и библиографа С. Постникова в коротких мемуарах³ материала для раскрытия этой темы не дают.

В опубликованных в 1920-е гг. автобиографиях Замятин, вспоминая детские годы, назвал особенности своего характера: стремление к одиночеству, страсть к книгам, выбор пути «по линии наибольшего сопротивления», проведение «всевозможных опытов над собой»⁴.

* Впервые: Евгений Замятин. «Мы»: Текст и мат-лы к творческой истории романа / Сост., подг. текста, публ., комм. и статьи М. Ю. Любимовой, Дж. Куртис. СПб., 2011. С. 475–498. В настоящем издании публикуется с небольшими изменениями и дополнениями.

¹ Возвращение Евгения Замятин // Лит. газета. 1989. 31 мая.

² Лазаревский Б.А. Запись в дневнике от 4 нояб. 1915 г. // РО ИРЛИ. Ф. 145. № 10. Л. 45.

³ Постников С.П. Страницы из литературной биографии Е. И. Замятиной / [Публ. и комм. Р. М. Янгирова] // Russian Studies: Ежеквартальник рус. филол. и культуры. 1996. Т. 2. № 2. С. 516–518.

⁴ Замятин Е. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и комм. А. Ю. Галушкина; подгот. текста А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой; вст. ст. В. А. Келдыша. М., 1999. С. 2–3, 5–9.

В письмах к Л. Н. Замятиной в 1906–1916 гг.⁵ Замятин часто признается, что он редко бывает в хорошем настроении. Из писем Замятина к будущей жене можно судить о причинах его частой депрессии: иногда она связана с физическими недомоганиями, иногда с бытовыми неудобствами, довольно часто с посторонними помехами, нарушающими его одиночество. В его жизни бывают периоды, когда он не мог сесть за рояль. По этой детали (а она неоднократно повторяется в его письмах) можно судить о глубине его душевной депрессии.

В лебедянской ссылке Замятин мечтает о жизни, которая бы «будила, увлекала, не давала слишком много задумываться»⁶. Он признается невесте, что довольно часто не верит в себя и ни во что другое: «...мало во мне веры, способности верить! Это прямо какой-то органический недостаток»⁷; «ничего нет в душе — ни энергии, ни мысли: пусто там, как в вымершем доме»⁸. В этот период Замятин осознал, что в нем боролись рассудок и чувство, и в этой борьбе берет верх рассудок: «Расколотый я человек, расколотый надвое. Одно “я” хочет верить, другое — не позволяет ему, одно — хочет чувствовать, хочет красивого — другое смеется над ним, показывает на него пальцами. Одно — мягкое, теплое, другое — холодное, остroe, беспощадное, как сталь... И оно побеждает, холодное, оно побеждало всегда — с тех пор, как я стал думать. И жизнь была такая холодная... Оттого я искал нового, разнообразия, опасностей — иначе было бы слишком холодно, слишком пусто»⁹.

Замятин пишет невесте о том, что ему случалось «замечать в себе недостаток эмоциональных стимулов» — в этом, по его мнению, проявилась особенность «конструкции» его натуры и как ее следствие — «некоторая односторонность» в работе¹⁰. Наблюдая окружающую жизнь, Замятин пришел к убеждению, что «счастье одного покупается за счет другого», чтобы «быть счастливым», нуж-

⁵ Письма Е. Замятиной к невесте, затем жене Людмиле Николаевне Замятиной (урожд. Усовой) за 1906–1931 гг. и четыре ее письма от 15 июля, 16, 17 и 23 августа 1916 г. опубликованы в изд.: Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова; предисл. и комм. М. Ю. Любимовой; каталог подг. Л. И. Бучиной; подг. текста — Л. И. Бучина, М. Ю. Любимова. СПб., 1997. С. 13–419, 541–545 (Рукописные памятники; Вып. 3. Часть 1–2).

⁶ Там же. С. 36 (письмо от 9–10 мая 1906 г.).

⁷ Там же. С. 32 (письмо от 5 мая 1906 г.).

⁸ Там же. С. 36 (письмо от 9–10 мая 1906 г.).

⁹ Там же. С. 22–23 (письмо от 9 апр. 1906 г.).

¹⁰ Там же. С. 18 (письмо от 6 апр. 1906 г.).

но уметь «не жалеть других». Эту жизненную установку он считал для себя неприемлемой: «...хищником я не всегда умею быть; во мне еще много “интеллигентского”»¹¹. 12 февраля 1906 г. из тюрьмы, вероятно, отвечая Людмиле Николаевне на ее уговоры поберечь себя, он писал: «Не тратить свою жизнь? Беречь ее? Чтобы дольше протянуть ее? — Да ведь это все равно, что подарить чудную музыкальную пьесу, полную Шопеновской неги, огня Моцарта, Вагнеровских вакханалий, величия Бетховена, грусти Чайковского,— и посоветовать играть ее не всю сразу, а... по строчке каждый день». Он рисует два типа людей — одних, кто «по каплям пьют из чаши своей жизни — всю жизнь довольствуются разыгрыванием экзерций» или берут «отдельные, несвязные аккорды» и других, кто, «смело запрокинувши голову, жадными глотками выпивают жизнь, не заглядывая, много ли еще осталось до дна, и не заботясь о том, что пьют они — яд или лекарство». Симпатии Замятина явно на стороне последних — он пишет, что именно им «доступна чудная, полная счастья и страдания, музыка»¹².

Замятин считал, что счастье человека состоит в том, чтобы искренно служить какому-либо делу. Жизнь Замятина 1905–1918 гг. — это постоянные поиски такого дела, которому он мог бы служить «искренне». В 1905–1906 гг. он пытался найти его в политической и партийной работе, позднее в профессиональном инженерном труде, затем в литературной деятельности; в любви, которую он считал одним из «видов творчества»¹³.

Письма Замятина 1906–1916 гг. отразили характерную черту Замятина — его склонность к самоанализу; в письмах к Людмиле Николаевне он постоянно анализирует свои мысли, чувства, поступки. В письме от 11 июля 1910 г. он иронично заметил: «...я — субъект с повышенной чувственностью, по крайней мере, психической <...>»¹⁴.

Письма Замятина отражают постоянные смены его настроений. Его склонность к «экспериментам» над собой и в литературном творчестве проявлялась, вероятно, и в его семейной жизни и приносила неудобства его жене. Собираясь в Англию в августе 1916 г., она писала мужу: «Ведь без конца нельзя делать экспериментов <...>»¹⁵, призывала его преодолеть «непостоянство», под которым она понимала (во всяком случае, так следует из контекста письма) то, что Замятин

¹¹ Там же. С. 36 (письмо от 9–10 мая 1906 г.).

¹² Там же. С. 37.

¹³ Там же. С. 63 (письмо от 11 июля 1910 г.).

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 544 (письмо от 17 авг. 1916 г.).

склонен время от времени менять свою точку зрения на явление или человека; ему хотелось, чтобы в них, так же как и в нем, происходили бесконечные изменения.

Литератор И. Басалаев считал, что во внешнем поведении Замятин было «больше от характера, чем от биографии»¹⁶. Н. Волковыскому казалось, что «английское спокойствие не только приобретено Замятином в Англии, но и было врожденным»¹⁷. Художник В. Милашевский, отмечая «отточенность» его облика, «доведенного до некоторой чеканки», соотносил это качество со второй профессией Замятина — кораблестроением: «По всей четкости своего существа <он> сродни с щелчком логарифмической линейки, арифмометра». Внешний облик писателя художник назвал «дифференциальным и интегральным»¹⁸. Искусствовед А. Левинсон в начале 1920-х гг. дал подробный словесный портрет Замятин: «Весь Замятин ладно скроен; все в нем точно пригнано; крепок и гибок; нетороплив, а все у него спорится; молчалив, зря себя не тратит. Волосы зачесаны на пробор, на устах усмешка, в углу усмешки трубка; табак в ней крепкий, пахучий и ровный: navy cut¹⁹. Англичанин из Лескова; колонизатор в белом шлеме; мистер Замятин; Замятин-эфенди; джентльмен»²⁰.

Некоторые особенности характера Замятина были врожденными, другие особенности определила профессия, отдельные черты во внешнем облике и душевном строе обнаружились после возвращения писателя из Англии. Рассказывая о вернувшейся оттуда осенью 1917 г. чете Замятиных, прозаик и переводчик А.Ф. Даманская охарактеризовала их так: «...свежие, бодрые, ладно, не по-петербургски одетые и впрямь английского облика. <...> Уклад английской жизни пришелся им по вкусу, они быстро вошли в нее, переняли черты английского обихода, и до последних дней и в облике, в манере оде-

¹⁶ Басалаев И. Записки для себя / Публ. и прим. Н. Крайневой, В. Сажина // Лит. обозрение. 1989. № 8. С. 107.

¹⁷ Волковыский Н.Е. И. Замятин в советской обстановке / Републ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации / Сост. М. Ю. Любимовой; науч. ред. Л. С. Гейро. СПб., 2002. С. 384. Впервые опубл: Сегодня. 1937. 19 марта.

¹⁸ Милашевский В.А. Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 157.

¹⁹ «Нейви кат» (англ., букв.: флотской резки) — тип нарезки и прессования табака; фирменное название сигарет компании «British-American Tobacco»; табак «Navy Cut» пользовался особой популярностью у моряков.

²⁰ Левинсон А. Джентльмен: (Заметки о прозе Е.И. Замятина) / Републ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века. С. 355.

ваться, принимать гостей — сохранили английские привычки»²¹. «Высокий тон», царивший за обедом, и «обставлennость» вечеров у Замятиных нередко вызывали иронию коллег и знакомых — актера А. Д. Дикого и К. Чуковского²². В образе англичанина-иностранца, изобразил Замятину и поэт В. Маяковский в шуточном стихотворении «Работникам стиха и прозы, на лето едущим в колхозы»: «Что пожелать вам, сэр Замятин? <...>»²³. Поэту М. Кузмину в доме Замятиных не хватало «душевности»²⁴.

Об аккуратности Замятина в быту, переходящей в педантизм, о его пунктуальности и подчеркнутой вежливости писал К. Чуковский, рассказывая об их совместной работе в редакции «Всемирной литературы», о посещении общих знакомых, о визитах к чете Замятиных²⁵. Идеальный порядок царил и на письменном столе в домашнем кабинете Замятина. Это подтверждают фотографии писателя.

На фотографиях М. Наппельбаума (1923) и издателя А. Кроленко (1930–1931) Замятин запечатлен сидящим за столом в своем кабинете, в английском костюме-«тройке» или домашней куртке, неизменно в белой рубашке, с галстуком или галстуком-«бабочкой», с трубкой-мундштуком в руке. «Это его обычная поза,— писал И. Басалаев,— сидеть за столом, ровно, прямо, не опуская плеч, курить свою трубочку-мундштучок»²⁶.

На портретах работы Ю. П. Анненкова (1921), Б. М. Кустодиева (1923 и 1926), Г. С. Верейского (1927), в шарже Н. Э. Радлова (1920-е гг.)²⁷ — Замятин улыбается. За редким исключением, мемуаристы отмечают присутствие улыбки на лице Замятина. Почти на всех портретах — Замятин улыбается. «Для меня же Замятин, это, прежде всего,— замятинская улыбка, постоянная, нестираемая,— писал Ю. Анненков.— Он улыбался даже в самые тяжелые

²¹ Арсений Мерич [Даманская А.] Встречи с Замятином / Публ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века. С. 393. Впервые опубл.: Сегодня (Рига). 1937. 28 марта.

²² См.: Чуковский К. Дневник (1901–1929) / Подгот. текста и комм. Е. Ц. Чуковской; вст. ст. В. А. Каверина. М., 1991. С. 275.

²³ Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1958. Т. 9. С. 148; впервые опубл.: Комсомольская правда. 1928. 3 июля.

²⁴ Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее: Ист. альм. [Вып.] 14. М.; СПб., 1993. С. 504.

²⁵ См.: Чуковский К. Дневник (1901–1929). По указателю.

²⁶ Басалаев И. Записки для себя. С. 107.

²⁷ См. подробнее: Алексеева Л. Перевоплощение в Замятине: «Переводы с английского» // Лит. учеба. 2004. № 6. С. 187–195.

моменты своей жизни»²⁸. Даже в последние дни его пути земного художник видел писателя «лежащим на диване», «с улыбкой на усталом лице». Нередко Анненков в воспоминаниях уточняет характер этой улыбки: «нестираемая, саркастическая»; Басалаев называет ее «знающая, уверенная улыбка», изредка — «детская», «улыбка вкось»²⁹. А. Даманская вспоминала, что в тяжелые моменты Замятин «переставал улыбаться на несколько дней», «меньше показывался на людях», «серело его лицо»³⁰.

Вряд ли можно согласиться с оценкой почерка писателя, данной ему И. Басалаевым: «Почерк его — дремучая чаща сухого кустарника — буквы переплетаются, торопятся, одни внезапно переходят в другие, не сразу привыкаешь к этой графике»³¹. Изучение многочисленных автографов Замятина, относящихся к разным периодам его жизни, свидетельствует об обратном — почерк у него, как правило, ровный; буквы четкие, округлые; текст легко прочитывается. Исключение составляют письма на плохой бумаге, написанные химическим карандашом в дорожных условиях. Почерк Замятина менялся, однако, в зависимости от его душевного и физического состояния. Он резко ухудшался в моменты обострения его болезней — терял свою округлость и обычный наклон.

За писателем прочно укрепилось прозвание «англичанин», многие мемуаристы отмечали подчеркнутую элегантность писателя — она проявлялась в выборе костюма (на лекции в Политехнический институт, по свидетельству Басалаева, он неизменно надевал черный сюртук), и в том, как он «повязывал» галстук, и в манере говорить и даже молчать. К. Чуковский в дневнике записал, как работает Замятин — редактор журнала «Русский современник» с авторами: «...тихо и деловито беседует то с одним, то с другим, словно исповедует»³².

Мемуаристы отмечали характерные черты поведения Замятина: выдержанку и неторопливость. «Во всей его манере держаться было английское спокойствие» — отметил литератор и журналист Н. Волковыский³³. «...Я ни разу не видел его взъяренным — быстро шагающим, размахивающим руками, повышающим голос, торопящимся. Жесты его сдержаны и уверены», — вспоминал

²⁸ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Нью-Йорк, 1966. Т. 1. С. 248.

²⁹ Басалаев И. Записки для себя. С. 104.

³⁰ Арсений Мерич <Даманская А.> Встречи с Замятином. С. 396.

³¹ Басалаев И. Записки для себя. С. 104.

³² Чуковский К. Дневник (1901–1929). С. 276.

³³ Волковыский Н.Е. И. Замятин в советской обстановке. С. 384.

Басалаев³⁴. Нам известны лишь два эпизода, отмеченные мемуаристами, когда на короткое мгновение исчезала сдержанность и Замятин совершил поступки, которые обратили на себя внимание окружающих: издатель и редактор В. Миролюбов отметил в дневнике 1919 г., что, ругая большевиков, «Замятин затушил о шкаф папиросу»³⁵, а Волковыский сообщил, что Замятину изменило его английское спокойствие после допроса в 1922 г.³⁶

Сохранилось два свидетельства о том, как Замятин читал свои произведения в различных аудиториях. Басалаев одобрительно отметил, что писатель читает «ровно», «спокойно», «эпически», «без повышения и опускания голоса», без «напряжения и ложного пафоса» и «только немного громче обычного домашнего чтения». Иных слушателей огорчала подобная манера чтения, Басалаев считал ее невыигрышной, ему казалось, что произведения Замятина, прочитанные таким образом, многое теряют³⁷.

«Е^{<вгений>} И^{<ванович>} не был тем человеком, который быстро сходится с людьми и со многими становится другом и приятелем», — вспоминал С. Постников³⁸. Даже художница Н. К. Шведе-Радлова, часто принимавшая у себя чету Замятиных и бывавшая у них дома, отметила, что Замятин «не прозрачен, нисколько», но следующее ее признание: «Что-то в нем есть скрытое и странное»³⁹, — говорит о том, что она понимала: до конца она его не понимает.

Не только «английский опыт», но и последующие события 1917–1921 гг. в России изменили характер и манеру поведения Замятина. На это он прямо указал в автобиографии 1922 г. За абзацем, который характеризует его личность и творчество в дореволюционной России и который заканчивается высказыванием критика А. Измайлова о том, что автор повести «Уездное», вероятно, «в высоких сапогах, уездный, лохматый, с толстой палкой»⁴⁰, следует

³⁴ Басалаев И. Записки для себя. С. 107.

³⁵ Переписка Е. И. Замятина с В. С. Миролюбовым / Публ. и подгот. текста Н. Ю. Грекаловой и Е. Ю. Литвин; вст. ст. и комм. Н. Ю. Грекаловой // Russian studies. 1996. Vol. 2. № 2. С. 435.

³⁶ См.: Волковыский Н. Е. И. Замятин в советской обстановке. С. 384.

³⁷ Басалаев И. Записки для себя. С. 106–107.

³⁸ Постников С.П. Страницы из литературной биографии Е. И. Замятина. С. 518.

³⁹ Шведе-Радлова Н.К. Дневник 1926–1929 гг. (РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. № 157. Л. 155 об.).

⁴⁰ <Измайлов А.А.>. В литературном мире: Пришедший хам // Биржевые ведомости. 1913. 28 июня (№ 13621). Подп.: А. Изм. С. 5. Веч. вып. См. также: Измайлов А. Темы и парадоксы // Биржевые ведомости. 1916. 8 марта (№ 15428). С. 2. Утр. вып.

другой абзац, начинающийся словами: «...совсем не таким я стал после Англии, где во время войны прожил около двух лет». Эту фразу исследователи жизни и творчества писателя часто цитируют в своих работах, опуская вторую часть абзаца, которая является завершением начатой автором мысли: «Очень жалко, что не видел февральской революции и знаю только октябрьскую <...>. Это все равно, что никогда не знать влюбленности и однажды утром проснуться женатым уже лет этак десять»⁴¹.

На следующий день после смерти А. Блока (8 августа 1921 г.) Замятин писал К. Чуковскому: «Я человек металлический, и мало, редко кого люблю. Но Блока — любил <...>»⁴². Это откровенное признание: «Я человек металлический» — не следует понимать буквально. В характере писателя появились новые черты — скрытность, сдержанность, умение владеть собой в трудных жизненных ситуациях. Эти черты сохранялись в нем и в последующие годы. 28 января 1935 г. Замятин писал литератору и переводчику И. Е. Куниной-Александер (она пользовалась его особым доверием): «Человек я <...> застенчивый. <...> “Дара слезного” <...> я вообще лишен. Обретаю его раз в 10–15 лет, но уже зато — в три ручья <...>»⁴³.

«Брезгливость» и сдержанность в поведении Замятина почувствовал поэт и переводчик Н. Оцуп⁴⁴. «Холодноватую сдержанность» Замятина в общении с окружающими его людьми отметила А. Даманская: «Этой кажущейся суховатостью Е<вгений> И<ванович>» только заслонял — не себя даже — свой “внутренний дом” от пустого любопытства, от суэтных попыток вторгаться в его интимную писательскую жизнь, но и заслонку между собою и миром сумел он воздвигнуть так, что ничьи руки о ее стенки не укололись, ничье самолюбие никогда ею не уязвлялось...»⁴⁵. В действительности же, многие при встречах с Замятином эту холодноватую сдержанность принимали за надменность и самоуверенность. Так была уязвлена Н. Н. Берберова: «У него был всегда тон старшего, тон учителя, тон слегка надуманный, и я это чувствовала»⁴⁶.

⁴¹ Замятин Е. Я боюсь. С. 3.

⁴² Е. И. Замятин и К. И. Чуковский. Переписка (1918–1928) / Вст. ст., публ. и комм. А. Ю. Галушкина // Евгений Замятин и культура XX века. С. 210.

⁴³ Неизвестные письма Евгения Замятина из американского архива / Вст. ст., публ. и комм. Дж. Куртис // Там же. С. 336.

⁴⁴ Оцуп Н.А. Евгений Замятин // Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания / Сост., вст. ст. Л. Аллена; комм. Р. Тименчика. 2-е изд. СПб., 1994. С. 544 (Литература рус. зарубежья).

⁴⁵ Арсений Мерич [Даманская А.] Встречи с Замятином. С. 396.

⁴⁶ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1999. С. 341.

Хозяйки двух ленинградских «литературных салонов», где бывал цвет ленинградской и приезжавшей московской творческой интеллигенции, — Н. Шведе-Радлова и литератор Е. А. Грекова, жена известного хирурга И. И. Грекова, — относились к писателю с некоторой неприязнью. Первая, флиртовавшая с гостями даже в присутствии мужа, вероятно, была обижена, что не пользовалась взаимностью Замятиной, о чем свидетельствует дневниковая запись: «...я его однажды отчитала за его легкомыслие и флирты с не-стоящими женщинами»⁴⁷. Е. Грекова, автор длинных «дамских» романов, которые ей никак не удавалось напечатать, обратилась однажды к Замятину в 1925 г. с просьбой «устроить» очередную рукопись, на что писатель ответил, что у него нет связей в изда-тельствах. Это обидело Грекову — ему (так же, как К. Федину) она так и не простила критического отношения к своему литера-турному труду⁴⁸.

Литературное окружение Замятиной, кроме близких его друзей, раз-деляло мнение К. Чуковского о чужеродности и закрытости коллеги по литературному цеху⁴⁹, и, вероятно, именно поэтому И. Басалаев попытался развеять этот миф о Замятине «как о сухом, черством человеке»⁵⁰ и изобразил его в своих воспоминаниях страстным, уме-ющим жить всеми сторонами своего физического существования.

Дневники А. А. Кроленко⁵¹ и Н. К. Шведе-Радловой, письма Замятиной к жене и друзьям рассказывают о его многогороди-нистических интересах: почти ежедневных посещениях театров (опер-ных, балетных и драматических спектаклей), о веселых вечерах у Н. Э. и Н. К. Радловых, у директора издательства «Academia» А. Кроленко, в доме у самого Замятиной, об игре в покер и много-численных розыгрышах (в которых Замятин принимал активное участие). Он один из организаторов веселых затей в издательстве «Всемирная литература», автор буриме и шуточных од на заседани-ях группы «Серапионовы братья», других литературных вечерах. Он автор песен, частушек и текстов для живой газеты «Фиговый

⁴⁷ Шведе-Радлова Н. К. Дневник 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. № 158. Л. 13).

⁴⁸ См.: Грекова Е. А. «Пережитое»: Воспоминания (2-й вариант) (ОР РНБ. Ф. 1356. Оп. 2. № 273. Л. 818–827).

⁴⁹ Чуковский К. Дневник (1901–1929). С. 229, 231, 242, 250.

⁵⁰ Басалаев И. Записки для себя. С. 107.

⁵¹ Кроленко А. А. Выписки из записных книжек, относящиеся к деятельности издательства «Academia». Нояб.-дек. 1922 г. (ОР РНБ. Ф. 1120. № 264; Кроленко А. А. Дневники 1920, 1922–1923, 1930–1932 гг. (Там же. № 651, 219, 224, 225).

листок» — существовала при Физио-исследовательской геоцентрической ассоциации при Ленинградском Доме искусств в 1926–1927 гг. В деятельности ассоциации принимали участие многие актеры, режиссеры, художники, писатели⁵².

Литератор З. Шаховская (у нее в Брюсселе останавливались многие писатели, покинувшие Россию, и среди них — Дон-Аминадо, В. Набоков, М. Слоним, Тэффи, М. Цветаева) призналась, что «редко встречала среди русских такого всесторонне образованного человека»⁵³. И в качестве подтверждения привела тот факт, что, работая над сценарием для фильма об Аттиле, Замятин занимался в Королевской библиотеке. Ю. Анненков свидетельствовал: «Во все годы, что я знал Замятина, он был всегда окружен книгами, жил книгами. Книги, книги, книги, постоянно — книги. Книги были для Замятина своего рода культом»⁵⁴.

В мемуарах и дневниках современников запечатлены и другие качества Замятина. Шаховская вспоминала: «Такую энергию и трудоспособность я мало у кого встречала»⁵⁵. «Замятин, как всегда, сговорчив, понятлив, работящ, easy going⁵⁶», — отметил К. Чуковский⁵⁷. О скромности писателя свидетельствует Н. Волковыский: «Мы работали с ним вместе в Правлении Союза писателей, и я уговаривал его взять на себя вице-председательство, но он настойчиво требовал, чтоб я не отказывался, приводя разные мотивы, ссылаясь на свое понимание “интересов союза” и т. д.»⁵⁸. Басалаев отмечает застенчивость и мягкий юмор Замятина, когда речь заходит о нем самом. Несмотря на свои болезни, по свидетельству Даманской, Замятин никогда не жаловался: «мешала стыдливость говорить о себе, занимать собою гостя, или будучи чьим-то гостем»⁵⁹. Это свидетельство подтверждается его письмами к друзьям — несмотря на хронические болезни и недомогания, он никому, кроме Людмилы Николаевны и И. Куиной-Александер, о них не сообщал.

⁵² Материалы этой ассоциации сохранились в РГАЛИ в фонде режиссера Н. В. Петрова.

⁵³ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С. 244.

⁵⁴ Анненков Ю. Дневник моих встреч. Т. 1. С. 283.

⁵⁵ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. С. 244.

⁵⁶ Добродушен, легок (англ.).

⁵⁷ Чуковский К. Дневник (1901–1929). С. 160.

⁵⁸ Волковыский Н. Е. И. Замятин в советской обстановке. С. 386.

⁵⁹ Даманская А. Смерть Е. И. Замятина: (Письмо из Парижа) / Републ. и комм. Р. М. Янгирова // Евгений Замятин и культура XX века. С. 378. Впервые опубл.: Сегодня (Рига). 1937. 14 марта.

По свидетельству З. Шаховской, «Замятин внушал уважение не только своей порядочностью, но и очень старательно скрываемой добротой»⁶⁰. Басалаев отметил: «В жизни Замятин великодушен и мягок»⁶¹. Письма Замятина подтверждают высказывания обоих мемуаристов: писателю не были свойственны ни зависть, ни злоба, ни самомнение, ни самодовольство. Он не написал в своих письмах ни одного худого слова, даже о тех людях, которые вели себя непорядочно по отношению к нему. Он постоянно заботился о друзьях, попавших в материальные затруднения, устраивал их литературные дела (помогал В. С. Миролюбову, М. А. Булгакову, А. А. Ахматовой), откликнулся на просьбы молодых писателей, несмотря на загруженность, читал их рукописи, помогал советом, писал внутренние рецензии на их произведения для различных издательств.

Напротив, в профессиональной деятельности Замятин был необычайно строг. Его отличало требовательное отношение к себе и к своим ученикам, коллегам по литературному цеху. Замятин следил за «опытами» членов группы «Серапионовы братья» и подверг их работы критическому анализу в статьях «“Серапионовы братья”» и «Новая русская проза»⁶².

В последующие годы, в период усиления идеологического и цензурного диктата, Замятин сознательно, как нам кажется, воздерживался от оценок тех или иных произведений своих друзей, попавших в опалу, в частности А. Ахматовой и М. Булгакова. Он понимал, что его положительная или отрицательная оценка может быть использована против них, что даст повод официальной критике искать в их произведениях несоответствие государственной идеологии.

Пребывание в Англии в 1916–1917 гг. развило и закрепило то, что ранее присутствовало в характере Замятина, — выдержанку и стремление к внутренней свободе. «Его деятельность, его поведение отмечены тем знаком прочности и добротности, о которых говорит Толстой, описывая английскую обстановку Вронского» — такое впечатление от частых и разнообразных встреч с Замятином в 1918–1922 гг. осталось у Н. Оцупа⁶³.

Н. Оцуп свидетельствовал, что Замятин никогда не сделал ни одного жеста, похожего на низкопоклонство: «В железные годы военного коммунизма сколько людей известных иуважаемых совершили вольные и невольные ошибки против совести, заигрывая с большевиками.

⁶⁰ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. С. 244.

⁶¹ Басалаев И. Записки для себя. С. 105.

⁶² Замятин Е. Я боюсь. С. 71–74, 82–93, 172.

⁶³ Оцуп Н.А. Евгений Замятин. С. 542.

Замятин был среди людей политически безупречных. <...> Всегда верный себе, он оставался одной из немногих постоянных величин среди множества переменных». По мнению Оцупа, современники писателя, сравнивая его поведение с собственными поступками, «могли бы безошибочно определить степень своего отклонения от верного и прямого пути»⁶⁴.

Поведение Замятина в направленной против него кампании 1929 г. и факт его обращения с письмом к И. В. Сталину вызвало восхищение не только друзей, но и незнакомых коллег по литературному цеху. Профессор западноевропейской литературы Р.Ф. Куллэ, узнавший о «письме Замятину» со слов В. М. Жирмунского, в дневнике записал: «Замятин — трижды молодец»⁶⁵. Издатель А. С. Каган, встретивший Замятина в Берлине в 1932 г., писал: Замятин «не потерял присущей ему храбрости и гордости»⁶⁶. Эти же качества в своем друге отмечала А. Ахматова, она публично говорила, что «любит Замятина за честность, прямоту, смелость, чувство собственного достоинства»⁶⁷. М. Пришвин, узнав о кончине Замятина, записал в дневнике: «...гордый, и честный, и умный человек»⁶⁸.

Писатель М. Алданов, близко не знавший Замятина, в письме Л. Н. Замятиной, выражая соболезнование в связи со смертью Замятина, подчеркнул, что он всегда очень почитал его «как смелого независимого человека»⁶⁹. И. Кунина-Александер, переводившая произведения Замятина на сербохорватский язык и переписывавшаяся с ним долгие годы, отметила: «Его великодушие, мужество, храбрость, дальновидность — эти высокие отличия его свободного духа — делали его одиноким среди людей...»⁷⁰.

⁶⁴ Там же. С. 544.

⁶⁵ Куллэ Р. Мысли и заметки. Дневник 1924–1932 гг. / Публ. И. и В. Куллэ // Новый журнал. 1992. Кн. 189. С. 279.

⁶⁶ См. подробнее: Янгиров Р.М. Пражский круг Евгения Замятина: Новые мат-лы к биографии писателя // Рус. мысль. 1996. 19–25 дек.; 1996/1997. 26 дек.— 1 янв.; 1997. 2–8 янв.

⁶⁷ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подг. текста К. Н. Суворовой; Вст. ст. Э. Г. Герштейн; Науч. консультирование, ввод. заметки к записным книжкам, указ. В. А. Черных / РГАЛИ. М.; Торино: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 74.

⁶⁸ Пришвин М.М. Дневники 1936–1937. СПб., 2010. С. 494.

⁶⁹ Алданов М.А. Письмо Л. Н. Замятиной от 12 марта 1937 г. (Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Université de Paris (Nanterre), Collection E. Zamiatine, F Delta RES 614, folder 6, dossier 136).

⁷⁰ Кунина-Александер И.Е. Письмо Л. Н. Замятиной от 26 апр. 1937 г. (Ibid., dossier 142).

Современникам Замятина — Ю. Анненкову, литературному критику Я. Брауну, Н. Волковыскому, А. Даманской, прозаику и журналисту Т. Манухиной, З. Шаховской — удалось найти такой «душевный ход» к личности писателя, важность которого ощущал Ю. Нагибин; они создали яркие статьи о нем, воспоминания, некрологи.

Близким другом Замятина была Августа Филипповна Даманская — поэт и прозаик, драматург и литературный критик, журналист и переводчик с пяти европейских языков. В ее переводах русская публика знакомилась с произведениями Дж. Барри, А. Беннета, Б. Келлермана и других европейских писателей, она была первой русской переводчицей Ромена Роллана. «Совокупность трудов А. Ф. Даманской как переводчицы столь внушительна, что едва поддается обозрению: тут дело всей жизни. *Сорок пять томов*, переведенных с французского, немецкого, английского, итальянского, польского языков: целая полка книг», — писал А. Левинсон⁷¹. В 1915 г. она встречалась с П. А. Кропоткиным, именно он указал ей на необходимость перевести на русский язык роман Дж. Барри «Белая птичка». Даманская к февральской революции отнеслась скептически, считая, что любой социальный переворот принесет гибель культуре. Весной 1917 г. она писала В. Миролюбову: «Лед, который шуршит на Неве, волнует меня больше всех митингов и споров». Она подчеркивала, что не пойдет за людьми, которые стремятся «облегчить жизнь ближнему», но при этом «рабски идут за честолюбцами, за фанатиками, за беспощадными утвердителями догмы»⁷². А. Даманскую и Я. Брауна сближало с Замятином отношение к происходившему в России, преданность своей профессии, сходные представления о миссии творческой личности.

Для реконструкции личности Замятина имеют важное значение его очерки, эссе, литературные портреты, предисловия к сочинениям писателей. В самом отборе тех, о ком пишет Замятин, — Ю. Анненков, Андрей Белый, А. Блок, М. Горький, Б. Григорьев, Б. Кустодиев, Ф. Сологуб, Г. Уэллс, А. Франс, А. Чехов, Р. Шеридан, — можно усмотреть его симпатии. Он подчеркивает в предшественниках и современниках те черты личности или творческой манеры, которые ему близки, которые он считает присущими и себе. Чехов еще в юности потерял церковного Бога и обрел веру в последний период своей жизни. Эта вера оказалась «верой в человека, в силу человеческого прогресса; и Богом оказался — человек».

⁷¹ Цит. по: Даманская А. На экране моей памяти / Вст. ст., публ. и комм. О. Р. Демидовой // Лица: Биогр. альм. М.; СПб., 1996. [Вып.] 7. С. 112.

⁷² Там же. С. 115.

Замятину импонирует стремление Чехова быть свободным художником: от тенденции, от проповеди он был дальше, чем кто-нибудь из русских писателей. В Чехове он отмечает «особое целомудрие, заставлявшее его тщательно прятать все, что глубоко, по-настоящему волновало его», отсутствие тенденциозности, в его творческой манере — «краткость» и «сжатость», «доведенные до крайних пределов», использование приемов импрессионизма⁷³. В Блоке Замятин ценит «необычайную искренность, честность и прямоту», «необычайное горение и благородство», «стремление все делать по-настоящему», умение признавать собственные заблуждения и идти дальше к неизведанному, пускай даже к гибели⁷⁴. В художнике Кустодиеве он отмечает неистощимую фантазию, творческую волю вопреки смертельной болезни, его «удивительное подвижническое житие» во имя искусства⁷⁵. В Горьком видит небывалую работоспособность, умение всю жизнь учиться. С особым сочувствием Замятин писал о тех периодах в жизни Горького, когда тот находился в разладе с большевиками, когда в годы террора заступался за арестованных, выражал протест против политического процесса над партией социалистов-революционеров в 1922 г.⁷⁶ В личности Андрея Белого Замятин отмечает универсальность интересов и занятий: в его творчестве «математика <...> материализовалась в музыку»; он «мэтр, изобретатель; его изобретениями пользовались многие из русских романистов более молодых поколений»; «типичнейший русский писатель, прямой потомок Гоголя и Достоевского» — и в то же время «проводник чисто французских влияний»; «один из основателей и единственный серьезный теоретик школы русского символизма»⁷⁷. В наброске эссе о Григорьеве Замятин прямо говорит о себе: «...из нынешних русских художников нет ни одного, искусство к<оторого> было бы мне ближе, чем искусство Бориса Григорьева. Я узнал в его линиях, красках, формах, приемах — свое»⁷⁸. Замятин перечислил эти приемы и черты: «красота безобразного»; «дис-

⁷³ Замятин Е. Я боюсь. С. 137, 139, 141.

⁷⁴ Речь Е. И. Замятина на вечере памяти Блока [в Большом Драматическом театре] / Публ. и прим. Е. Ю. Литвин // Александр Блок: Новые мат-лы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 587 (Лит. наследство. Т. 92).

⁷⁵ Замятин Е. Я боюсь. С. 148, 157.

⁷⁶ Там же. С. 228–229.

⁷⁷ Там же. С. 208–209.

⁷⁸ Цит. по: Любимова М.Ю. Борис Григорьев и Евгений Замятин: К истории взаимоотношений // Культура: Пространство новых возможностей: Бюллетень Псковского обл. информ.-ресурсного центра. Псков, 2001. Вып. 4: Борис Григорьев и художественная культура XX в. С. 34.

сонансы»; графичность; «синтез запада и России»; «перенесены западные, парижские завоевания на русский быт»; «ненавидящая любовь к России», свойственная также Блоку⁷⁹. Этот очерк не был завершен — возможно, из-за нежелания публично говорить о сокровенном. В творчестве Анатоля Франса Замятин отметил сочетание иронии, релятивизма, скепсиса с любовью к жизни⁸⁰. В творчестве Федора Сологуба Замятину импонирует умение «выдерживать» «стовосьмидесятиградусный перегиб от каменнейшего, тяжелейшего уездного быта в фантастику», умение смешивать «крепчайшую вытяжку бытового языка с приподнятым и изысканным языком романтика». В личности Сологуба Замятину близко то, что «под строгим, выдержаным европейским платьем» писатель сохранил «безудержную русскую душу», которой свойственна «ненавидящая любовь к России», «*morbus rossica*»⁸¹.

О творческой манере Замятина современники вынесли самые разнообразные суждения. В середине 1910-х гг. наиболее распространенной стала точка зрения о влиянии А. Ремизова на стиль раннего Замятина: повесть «Уездное», как правило, связывали с произведениями этого писателя⁸²; начинающего Замятина, наряду с В. Шишковым, А. Чапыгиным, Б. Пильняком, причисляли к «литературной школе» Ремизова.

Сам Замятин не разделял подобных оценок своей творческой манеры уже на ранней стадии литературной работы. На вопрос историка литературы и библиографа С. А. Венгерова, где он научился русскому языку, Замятин в 1915 г. ответил: «Не в Петербурге, конечно; тут говорят (и пишут) на сюртучном языке, у всех одинаково-благоприличном», — а на родине, в Лебедяни, и «учительницей была всего

⁷⁹ Там же. С. 33.

⁸⁰ Замятин Е. Соч. Т. 4: Проза; Киносценарии; Лекции; Рецензии; Литературная публицистика; Ст. на разные темы / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова; вст. ст. Б. Филиппова. Мюнхен, 1988. С. 196. Современники отмечали влияние А. Франса на Замятина: «Менее удивительная была любовь Замятина к Анатолию Франсу, писателю стиля изящного и совсем не серапионовского, но ирониста, атеиста и скептика, как сам Замятин» (*Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. С. 232*).

⁸¹ Замятин Е. Я боюсь. С. 136. О личных и творческих контактах Сологуба и Замятина см.: Геллер Л. Сологуб и Замятин // Europa Orientalis. 1992. Vol. 11. № 2. Р. 13–27; Ф. Сологуб и Е. И. Замятин. Переписка / Вст. ст., публ. и комм. А. Ю. Галушкина и М. Ю. Любимовой // Неизданный Федор Сологуб / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 385–399. *Morbus rossica* — русская болезнь (*лат.*).

⁸² Известны отдельные высказывания критиков, соотносивших повесть «Уездное» с романом Ф. Сологуба «Мелкий бес» (см.: *Ozyp H.A. Евгений Замятин. С. 543*).

больше бабушка Настасья Васильевна: пригудок и присказок, примет и присух всяких знала множество», позднее учился костромскому говору, «хорошему, старому и крепкому, как брага» у «крестьянского сына Якова Гребенщикова из Нерехты»⁸³.

На вопрос С. Венгерова, повлиял ли стиль Ремизова на него, Замятин ответил отрицательно: «Ремизова лично узнал не очень давно, да и книги его стал читать сравнительно поздно». Далее он указал на свое несходство с Ремизовым: «Кладовая языка у меня и у Ремизова разная: у него рукописи и редкостные книги, а я книгами почти не пользовался», «внутреннее мое несходство с Ремизовым — чем дальше, тем, вероятно, будет больше заметно»⁸⁴.

Несмотря на то что известность писателю принесла его повесть «Уездное», сам автор указывал, что из всего написанного к 1915 г. «наиболее искренним, дающим наибольшее представление о нутре, о философии автора» он считает свои рассказы «Африка», «Бог», «Дьячек» и «Петька»⁸⁵. «Подлинный, высокий и трогательный лиризм», характерный для этих рассказов, критик А. К. Воронский отметил как черту художественного дарования писателя, оценивая повесть «На куличках»: «Лиризм Замятиня особый. Женственный. Он всегда в мелочах, в еле уловимом <...>». Критик считал, что автору особенно удаются женские образы: «...они у него особенные, непохожие друг на друга, и в лучших, любимых из них автором трепещет это маленькое, солнечное, дорогое, памятное, что едва улавливается ухом, но ощущается всем существом»⁸⁶. Любовь Замятиня к своим героям, «симпатию к человеку грязному, пришибленному, даже одичавшему», — отметил в ранней прозе писателя В. Полонский⁸⁷.

В оценке лексики Замятиня критики разошлись после выхода из печати «Уездного». А. Дерман отмечал «сознательность, целесообразность, рассчитанность изображения и стиля»: «...его герои <...> всегда говорят на одном <...> испорченном, тусклом, сером языке,

⁸³ Переписка Е. И. Замятина с С. А. Венгеровым / Публ. и подгот. текста Т. А. Кукушкиной и Е. Ю. Литвин; Вст. ст. и комм. М. Ю. Любимовой // Евгений Замятин и культура XX века. С. 190. О Я. П. Гребенщиковой см. подробнее: Я. П. Гребенщикова и Е. И. Замятин. Переписка (1916–1928) / Вст. ст., публ. и комм. М. Ю. Любимовой // Евгений Замятин и культура XX века. С. 252–270.

⁸⁴ Переписка Е. И. Замятина с С. А. Венгеровым. С. 191.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Воронский А.К. Евг. Замятин. // Красная новь. 1922. № 6, нояб.— дек. С. 308.

⁸⁷ Полонский В. Заметки о молодых (Чапыгин, Никандров, Замятин) // Летопись. 1916. № 3. С. 263.

одинаково далеком как живому народному, так и литературному»⁸⁸. Ю. Айхенвальд, напротив, говорил о «колоритном, ярком стиле, русском, слишком русском», «с характерной фразеологией, иногда не без вывертов, но всегда искусном, не менее, чем искусственном»⁸⁹. А. А. Гвоздев также не нашел в «Уездном» ни примелькавшихся оберотов разговорного языка, ни истрепанных литературных клише⁹⁰. А. Ремизов утверждал, что Замятин «по праву занял место в петербургских литературных студиях учителя прозаического письма»: «Словом он владеет в совершенстве: любит и ценит слово и ладит слова с большим искусством. Стиль Замятина лебедянский, такая его речь — Москва, вышедшая в степь половецкую». Характеризуя его повести, рассказы, сатирические сказки и пьесу «Огни св. Доминика», Ремизов заметил «...слово отчетливо, в движениях — действенно», в обстановке — декоративно⁹¹. В некрологе Замятина Ремизов подмечает: «Только Андрей Белый так сознательно строил прозу», «стихия его отборно русская»⁹². «Проза Замятина веска и плотна; она насыщена словесной материей, сгущенной до крайности,— полагает А. Левинсон.— Она столь же ярка, как и лаконична. Не черноземная тучность, а сухая перегонка образов; фраза его не рыхлая глыба, а ровно спрессованный брикет с четкими гранями. <...> Замятин прибегает к <...> идиомам, заимствованиям из народных и областных говоров, которые чаруют великорусский слух неожиданностью словесных вариантов, экзотическим веянием степи или тайги»⁹³.

В. Шишков, размышляя над известным афоризмом «стиль — это человек», внес в него поправку: «Если форма всегда определяется содержанием, а содержание — это конкретизация в образах той или иной идеи, значит, стиль не есть нечто незыблемое, самодовлеющее: у одного и того же писателя, поскольку он поглощен разными идеями, стиль его, по необходимости, разнообразен»⁹⁴.

Особенности стиля и языка Замятина точнее других его современников почувствовал и объяснил Ю. Анненков: «Язык Замятина —

⁸⁸ Дерман А. Библиографические заметки // Рус. ведомости. 1916. 6 июля.

⁸⁹ Айхенвальд Ю. Литературные наброски // Речь. 1916. 25 февр.

⁹⁰ См.: Гвоздев А. Литературная летопись: «Уездное» Евгения Замятина // Северные записки. 1916. № 6. С. 137–139. См. также: Гвоздев А. Беллетристика 1916 года // Биржевые ведомости. 1917. 13 янв. Утр. вып.

⁹¹ Ремизов А. Крашеные рыла: Театр и книга. Берлин: Грани, 1922. С. 91.

⁹² Ремизов А. М. Стоять — негасимую свечу: Евгений Иванович Замятин. 1884–1937 // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. [Т. 10:] Петербургский буерак. С. 307.

⁹³ Левинсон А. Джентльмен: (Заметки о прозе Е. И. Замятина). С. 356.

⁹⁴ Как мы пишем. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 196.

всегда замятинский, но в то же время, разный. <...> Для него язык есть форма выражения, и эта форма выражения определяет и уточняет содержание». Художник, внимательно следивший за ходом творчества писателя, оглядывая его в полном объеме, справедливо заметил, что Замятин пишет о мужиках и деревне «мужицким языком», о городских жителях — «языком канцелярского писаря или бакалейщика»; когда он пишет об иностранцах в повести «Островитяне» или рассказе «Ловец человеков», он «пользуется свойствами и даже недостатками переводного стиля, его фонетики, его конструкции — в качестве руководящей мелодии повествования»; рассказывая о полетах на Луну, использует терминологию астронома, инженера или — «языком математических формул». По мнению Анненкова, «искуснейше написанное Замятином “Сказание об Иноке Еразме” можно было бы принять за произведение протопопа Аввакума. <...> язык Замятина остается очень образным и, вместе с тем, сдержанным, проверенным в каждом выражении»⁹⁵.

В автобиографии 1922 г. Замятин отметил изменения, которые произошли в его творческой работе: «Сейчас пишу не много — вероятно, оттого, что становлюсь к себе все требовательней»⁹⁶.

Неразрывность литературного мастерства Замятина с рано определившимся видением мира отмечали многие современники. В. Шкловский, внимательно следивший за развитием писателя, вспоминал: «В литературу Замятин вошел сильно и уверенно, ломая перед собой лед. Редко, кто сразу так хорошо начинает»⁹⁷. М. Горький, А. Ремизов и Б. Пильняк считали «Уездное» самым значительным произведением писателя. Горькому импонировало созвучие повести собственному «окуровскому циклу»: «...этот “Городок Окуров” — вещь, написанная по-русски, с тоскою, с криком, с подавляющим преобладанием содержания над формой»⁹⁸. «Жесткая экономия слова» у Замятина напомнила Я. Брауну Г. Флобера⁹⁹. Б. Эйхенбаум утверждал, что Замятин обладает тем «художественным знанием,

⁹⁵ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Т. 1. С. 252–253.

⁹⁶ Замятин Е. Я боюсь. С. 3.

⁹⁷ Шкловский В. О рукописи «Избранное» Евгения Замятина // Замятин Е. Избр. произведения: Повести. Рассказы. Сказки. Роман. Пьесы / Сост. А. Ю. Галушкин; предисл. В. Б. Шкловского; вст. ст. В. А. Келдыша. М., 1989. С. 6.

⁹⁸ Архив А. М. Горького. М., 1969. Т. XII. С. 218.

⁹⁹ См.: Браун Я.В. Взыскиющий человека: (Творчество Евгения Замятина) // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. С. 338. Впервые опубл.: Сибирские огни. 1923. № 5–6, сент.-окт. С. 225–240.

которое позволяет ему из маленького сюжета сделать вещь довольно значительную»¹⁰⁰. В статье «Русская литература после 1917 года» (1922) критик Д. Святополк-Мирский, находившийся в эмиграции, сочувственно отметил, что стиль писателя обладает «полнотой и силой», которые делают его рассказы «необычайно убедительными и проникновенными»¹⁰¹.

Работу Замятину над формой сюжета и характеров называли «тонкой, инженерной»¹⁰². Эта особенность, по мнению многих современников, вредила восприятию его произведений. Т. И. Манухина с сожалением указывала: «Образы, декоративные детали так искусно выточены, словесные “части” так ловко пригнаны, свинчены, так точно передают его энергичные мысли, что его повести и рассказы скорей напоминают инженерные сооружения, нежели уподобляются некоему литературному “явлению природы”, когда ткань прозрачна и легка и мгновениями как бы исчезает для читателя»¹⁰³. Критик В. Правдухин подчеркивал, что Замятин «не колдует словом», его мотивы «лишены моцартовской неожиданности». Он предупреждал читателей — не искать в его творениях «гоголовского размаха и широты, безоглядной и нераздельной любви к непосредственному художническому безумию». Страницы произведений Замятина, по мнению Правдухина, «ограничены им самим»; Замятин «говорит только то, что хочет говорить»¹⁰⁴. Я. Браун назвал Замятина типом художника-бумеранга, который «обойдя круг мира», возвращается к «новому, умудренному, углубленному вопросу о себе, о человеке, о последней тайне человеческой». Поэтому у Замятина каждая «метафора рождается как неизбежность», причем именно в «том слове, какое высекает скульптор-художник»; он знает искусство образа — «круга, победно возвращающегося в финале к той же точке, откуда он вытек»¹⁰⁵.

«Принцип его (Замятина. — М.Л.) стиля — экономный образ вещи вместо вещи, — писал Ю. Тынянов в 1924 г., рецензируя роман “Мы”, —

¹⁰⁰ Эйхенбаум Б. Страшный лад // Русская молва. 1913. 17 июля.

¹⁰¹ <Святополк->Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992. С. 800.

¹⁰² Это высказывание принадлежит Я. В. Брауну. См.: Браун Я.В. Взыскивающий человека: (Творчество Евгения Замятин). С. 338.

¹⁰³ Таманин Т. <Манухина Т.И.>. Е. И. Замятин / [Републ. В. А. Тунимanova] // Russian studies. 1996. Т. 2. № 2. С. 403.

¹⁰⁴ Правдухин В. Литературные течения современности // Сибирские огни. 1925. № 1. С. 210.

¹⁰⁵ См.: Браун Я.В. Взыскивающий человека: (Творчество Евгения Замятин). С. 339.

предмет называется не по своему главному признаку, а по боковому; и <...> от этой точки идет линия, которая обводит предмет <...> обводит соседние вещи, обламывая в них углы». В романе все «замкнуто, расчислено, взвешено, линейно»¹⁰⁶.

«У Замятиня нет изъянов, столь губительных для наших “туземных” талантов: гениального кустарничества, отрывочной культуры, житейской неустойчивости, — подчеркнул А. Левинсон. — Весь он в равномерном напряжении сознательной воли, устремленной на трудное, но достижимое. Ибо он европеец, джентльмен <...>»¹⁰⁷.

По мнению Я. Брауна, то, что составляет силу Замятиня, является в то же время его «неизлечимой болезнью, слабостью»: «...он слишком рационален и рационалистичен, умно расчетлив»¹⁰⁸. Почти дословно эту мысль выразил писатель Л. Добронравов: «Он большой мастер, “Маэстро”. Именно мастер, а не художник, ибо его душе никогда не улыбнулось солнце»¹⁰⁹. Сравнивая К. Чуковского с Замятином и явно отдавая предпочтение первому, критик А. Волынский язвительно заметил о втором: «Это типичный клубок литературности. Многозначительных кивков и эзоповских намеков хоть отбавляй. Я не чувствую темперамента, слишком много рассудочности»¹¹⁰.

Энергия мысли Замятиня, последовательность развития художественной идеи в его произведениях импонировали Б. Пильняку. В 1921 г., вскоре после знакомства с Замятином, отзываясь о сборнике «На куличках», он писал: «В вас есть одно, чего у меня совсем нет и чему я завидую: вы возьмете в одной плоскости и тащите читателя на ней от начала и до конца» <...>¹¹¹. Горький в письме М. Слонимскому от 8 мая 1925 г. отметил, что «Рассказ о самом главном» написан «по Эйнштейну»: «...это уже не искусство, а попытки иллюстрировать некую философскую теорию — или гипотезу...»¹¹².

¹⁰⁶ Тынянов Ю.Н. Литературное сегодня // Евгений Замятин. «Мы»: Текст и материалы к творческой истории романа. С. 342. Впервые опубл.: Русский современник. 1924. № 1. С. 297–298.

¹⁰⁷ Левинсон А. Джентльмен: (Заметки о прозе Е. И. Замятиня). С. 358.

¹⁰⁸ Браун Я.В. Взыскиющий человека: (Творчество Евгения Замятиня). С. 339.

¹⁰⁹ Цит по: Постников С.П. Страницы из литературной биографии Е. И. Замятиня. С. 519; комм. Р. М. Янгирова.

¹¹⁰ Волынский А. Лики и лица // Жизнь искусства. 1923. № 40. С. 19.

¹¹¹ Цит. по: Галушкин А. Вечный отрицатель и бунтарь: Е. Замятин — литературный критик // Лит. обозрение. 1988. № 2. С. 107.

¹¹² Горький и советские писатели: Неизд. переписка. М., 1963. С. 388 (Лит. наследство. Т. 70).

Простота, изысканность, рационализированность стиля дали повод современникам причислить Замятину к западноевропейской школе прозы. «Он хочет писать, как европеец, изящно, остро, со скептической усмешкой <...>», — заметил Горький¹¹³. К. Федин считал «европеизм» одним «из трех китов, держащих замятинскую прозу»¹¹⁴. «Европейская эрудиция, вправленная в художественную фразу», — точно и емко определил стиль Замятина Я. Браун¹¹⁵. Действительно, произведения Замятиной 1920-х гг. можно сравнить со сложным химическим соединением; в нем представлены фрагменты различных философских систем, естественнонаучных теорий, различных поэтик, цитат из разных книг. Все фрагменты, элементы, цитаты сплавлены в одно целое. О количестве составляющих можно судить по статье «О литературе, революции, энтропии и о прочем» (1923). На шести страницах текста рядом стоят имена Эвклида и Н. Лобачевского, Галилея и А. Эйнштейна, Г. Бабёфа и Ч. Дарвина, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, протопопа Аввакума, Л. Толстого и Ф. Достоевского, А. Чехова и В. Вересаева, А. Блока и М. Горького, Андрея Белого и Федора Сологуба.

З. Шаховской казалось, что Замятин безусловно верил в «творчество, строго контролируемое и подверженное известным законам»¹¹⁶. Это утверждение, как нам кажется, входит в противоречие с воспоминаниями Ю. Анненкова: Замятин подверг критике формулу искусства, предложенную Анненковым, и назвал «науку, познающую и организовывающую жизнь» — формулой «искусства для скопцов, для замаринованных в уксусе». Замятин утверждал, что человеческая жизнь не поддается расписанию, в ней непременно должны присутствовать «игра», «прихоть», «бесполезный каприз», «случайность»¹¹⁷. В. Милашевский, наблюдая увлеченность Замятиной искусством Б. Григорьева, также назвал писателя «фанатиком искусства»: «Хорошо написанная страница прозы, острый и сильный рисунок были для него чудеснее, волшебнее хорошо рассчитанной конструкции!»¹¹⁸.

Источники влияний на свое творчество Замятин прямо указал в автобиографии 1928 г.: «...много книг, очень рано — Достоевский. До сих пор помню дрожь и пылающие свои щеки — от “Неточки

¹¹³ Архив А. М. Горького. Т. XII. С. 218.

¹¹⁴ Федин К. Собр. соч.: В 12 т. М., 1986. Т. 10. С. 73; книга «Горький среди нас».

¹¹⁵ Браун Я. В. Взыскиющий человека: (Творчество Евгения Замятин). С. 338.

¹¹⁶ Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. С. 244.

¹¹⁷ Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Т. 1. С. 259.

¹¹⁸ Милашевский В.А. Вчера, позавчера... С. 444.

Незвановой". Достоевский долго оставался¹¹⁹ — старший и страшный даже; другом был Гоголь (и гораздо позже — Анатоль Франс)¹²⁰.

Значение творчества Гоголя для становления своего художественного метода Замятин определил еще в письме к С. Венгерову в 1916 г.: «В каком-то из младших классов гимназии дали мне собрание сочинений Гоголя, и это, помнится, было началом особого пристрастия моего к Гоголю. Люблю Гоголя посейчас, и думаю, не без его влияния явилась у меня склонность к шаржу, гротеску, к синтезу фантастики с реальностью»¹²¹.

Для понимания творческой манеры Замятиня необходимо учитывать другое важное признание писателя в неотправленном черновике того же письма к С. А. Венгерову: «Последние лет 7–8 много читаю и люблю стихи символистов, наших и французских. Одна из любимейших книг: "Цветы зла" Бодлера»¹²². О постоянном интересе Замятиня к поэзии вплоть до середины 1920-х гг. свидетельствуют также записи Я. П. Гребенщикова о книгах из его личной библиотеки, которые Замятин брал у него для чтения¹²³.

Авторы значительного числа современных литературоведческих исследований продолжают сложившуюся еще при жизни писателя традицию рассматривать творчество Замятиня через литературные влияния. Как справедливо заметил В. Паперный, «в русской культуре всегда чрезвычайно значимой была процедура заимствования. <...> для понимания русской культуры любого ее периода важнее иметь в виду характер трансформации заимствуемой идеологии (организации, стиля), чем саму эту идеологию»¹²⁴. Применительно к творчеству Замятиня этот вопрос еще в 1917 г. поставил литературовед Д. А. Балика, который предложил критикам взглянуть на творчество объективно, а не через призму литературных влияний (Гоголя, Достоевского и др.), «рассмотреть не то, что писатель изображает,

¹¹⁹ Подробнее о влиянии творчества Достоевского на Замятиня см.: Туниманов В.А. Что там дальше?: (Достоевский и Замятин) // Рус. лит-ра. 1993. № 1. С. 61–80; Попова И. М. 1) Антиномия свободы личности в «Островитянах» и «Мы» Е. Замятиня и в «Записках из подполья» Ф. Достоевского // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. 1996. № 3–4. С. 59–65; 2) «Чужое слово» в творчестве Е. И. Замятиня: (Н. В. Гоголь, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский). Тамбов, 1997.

¹²⁰ Замятин Е. Я боюсь. С. 7–8.

¹²¹ Переписка Е. И. Замятиня с С. А. Венгеровым. С. 191.

¹²² Там же. С. 192.

¹²³ См. подробнее: Я. П. Гребенщиков и Е. И. Замятин. Переписка (1916–1928). С. 252–256.

¹²⁴ Паперный В. Культура «Два». М., 1996. С. 16.

а понять как он это делает». Главным достижением писателя он называл инструментовку (подбор и соответствующая расстановка звуков, слов, знаков препинания), которая служит главному авторскому стремлению: «Замятин целью себе ставил дать такой язык своему рассказу, чтобы и картина, и ощущение от взгляда на эту картину вполне соответствовали замыслу», чтобы они отличались «на величину возможно меньшую»¹²⁵. Этую особенность художественного творчества Замятина, вероятно, почувствовала З. Гиппиус; она отмечала: «За “стилем”, постройкой слов у Замятина, в каждом рассказе есть что-то еще, что худо ли, хорошо ли, слова эти связывает — дает им жизнь, делает их искусством»¹²⁶.

Замятин повторял в автобиографиях: «рос под роялем», «мать» — «хорошая пианистка», играла Шопена¹²⁷. В письмах сестре и жене он часто сообщал о том, что играет на рояле. А. Даманская, вспоминая друга в период 1917–1919 гг., писала, что, закончив колку дров для печки, Замятин садился за рояль и играл ноктюрны А. Н. Скрябина: «...он не был виртуозом — но, что любил, играл с большим толком, вкусом; и той, другой музыкальной фразе давал порою мягкость, лиризм <...>»¹²⁸. В своих произведениях писатель редко обращался к музыкальным образам, но музыку слова, ритм, инструментовку писатель считал одним из важнейших средств для передачи идеи произведения¹²⁹. В черновике письма к С. А. Венгерову (1916) Замятин писал: «Ремизов (и Иванов-Разумник) обратили мое внимание на *инструментовку* в прозе, чем я неоднократно пользовался и впредь буду. Впрочем, не мне Вам напоминать, что инструментовка в прозе — это не ремизовское, а скорей андрей-беловское, с той разницей, что у Белого нет чувства меры, и лезет его инструментовка в уши, как в оркестре гуканье выпившего контрабасиста»¹³⁰.

В литературе XX в. особый статус, значительно более существенный, чем в «классических» текстах, приобретают графические

¹²⁵ Балика Д. В лаборатории поэта: (Ф. Сологуб, Е. Замятин, А. Белый). Белебей, 1917. Вып. 1. С. 16.

¹²⁶ Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>. О молодых и средних // Совр. записки. 1924. Кн. 19. С. 242.

¹²⁷ Замятин Е. Я боюсь. С. 2, 3, 5.

¹²⁸ Арсений Мерич <Даманская А.> Встречи с Замятином. С. 395.

¹²⁹ Несколько десятилетий спустя А. И. Солженицын писал о том, что был поражен энергичным скжатым синтаксисом Замятина, и признался, что «в синтаксисе поставил его себе одним из учителей» (Солженицын А.И. Из Евгения Замятина: «Литературная коллекция» // Новый мир. 1997. № 10. С. 186).

¹³⁰ Переписка Е. И. Замятина с С. А. Венгеровым. С. 192.

варианты текста — деление на абзацы, отступы, употребление двойного тире в функции не пунктуационного, а интонационного знака. Варьируя графику и стараясь приблизить ее элементы к знакам «устного говорения», которыми насыщена сказовая речь, Ремизов превращал печатный текст в своеобразную «партитуру». Сказ, по словам первого исследователя данного типа повествования Б. Эйхенбаума, «имеет тенденцию не просто повествовать, не просто говорить, но мимически и артикуляционно воспроизводить — слова и выражения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам и т. д.». Анализируя особенности сказовой речи Гоголя, исследователь сравнил автора с актером: «...не сказитель, а исполнитель, почти комедиант скрывается за печатным текстом “Шинели”. <...> Личный тон, со всеми приемами гоголевского сказа, определенно внедряется в повесть и принимает характер гротескной ужимки или гримасы»¹³¹.

В предисловии к сборнику «После разлуки» (1922) Андрей Белый размышлял о роли пунктуационных знаков для выражения творческой манеры: «Прослеживая жизнь знаков, мы видим индивидуализм писателей: точка есть знак прозы Пушкина, “точка с запятой” — Толстого; “двоеточие” — мой знак; “тире” — знак, излюбленный модернистами. <...> Мы еще не овладели техникой знаков, потому что мы не овладели интонационной мелодией так, как другими элементами предложения»¹³².

Замятин часто использует тот или иной пунктуационный знак как интонационный. Он часто использует многоточие и тире, а также нетрадиционные знаки — двойное и тройное тире, четыре точки (особенно часто встречаются в его ранних письмах к невесте Л. Н. Усовой), а также многоточие с двойным тире. А. Левинсон обратил внимание на принцип построения фразы у Замятина, который заключается в «постепенном устраниении несущественных, связующих частей предложения»: «Сказуемое-глагол в эллиптической фразе Замятина почти отсутствует; его заменяет идеограмма — тире. Слова пригоняются друг к другу точно, как осколки мозаики, без помощи цемента. Более крупные членения повествовательного сказа, как, например, абзацы, отличаются той же герметической кладкой.

¹³¹ Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии: Сб. ст. Л., 1986. С. 48, 57–58.

¹³² Белый А. После разлуки: Берлинский песенник. Пг.; Берлин: Эпоха, [1922]. С. 11–12.

Фразы автономны, редко лишь связаны друг с другом словесными скрепами, предлогами. Все это придает изложению Замятиня черты неподвижности, статичного покоя, и когда, наконец, действенный глагол сдвинет с мертвоточки тяжкую массу этой прозы, поступь ее мощна и внушительна»¹³³.

Многоточие как форма выражения семантики «незавершенности, недосказанности» встречается у Замятиня очень часто. Исследовательница насчитала около 150 многоточий в «Рассказе о самом главном» и около 50 — в рассказе «Мамай»¹³⁴. Особый интерес вызывают многоточия, которые повторно употребляются в предложении: такие знаки являются языковыми формами внушения. Эти «формы внушения» дают возможность осмыслить строгую форму организации текста и сознательно проникнуть в его содержание только тогда, когда «сработает» эта форма внушения.

Двойное и тройное тире, характерное и для авторов XVIII — первой половины XIX в. и служившее показателем эмоциональной окраски заканчивающегося предложения, а также использовавшееся для усиления значительности содержания, у Замятиня связано со степенью недосказанности. В «Рассказе о самом главном» знак двойного тире встречается 20 раз, знак тройного тире — только один. В этом же рассказе многоточие часто используется вместе с двойным тире и указывает на сознательный пропуск слов и даже мысли.

Можно предположить, что пунктуационные особенности произведений Замятиня — это сложная и тонкая система недосказанности, в которой каждый знак является «меткой» скрытого смысла, пропущенной фразы или целого предложения. По утверждению Замятиня, «словесная одежда в живом рассказе никогда не бывает аккуратно застегнута на все пуговицы: она непременно небрежна, разорвана на клочки»¹³⁵. Для выражения напряженного переживания своих героев он использовал усеченные, неполные предложения; а также — пропуски подлежащих и сказуемых, чтобы передать лихорадочную, отрывистую речь персонажей.

Как справедливо заметил Д. Балика, Замятин «подбирает слова и звуки, соответствующие всему облику своего героя»¹³⁶. И хотя сам

¹³³ Левинсон А. Джентльмен: (Заметки о прозе Е. И. Замятиня). С. 356.

¹³⁴ Щербак А. С. Пунктуационные формы выражения семантики «незавершенности», «недосказанности» в почерке Е. И. Замятиня // Творческое наследие Евгения Замятиня: Взгляд из сегодня / Под ред. Л. В. Поляковой. Кн. II. Тамбов, 1994. С. 256.

¹³⁵ Замятин Е. Соч. Т. 4. С. 384.

¹³⁶ Балика Д. В лаборатории поэта... С. 18.

прозаик признавался, что не разделяет идею соответствия каждого звука строго определенному смысловому или цветовому значению (ее развивал, в частности, К. Бальмонт), все же он считал, что у каждого звука есть «если не количество, то качество»¹³⁷. Замятин даже изложил систему ассоциаций, которые возникали у него в связи с согласными звуками. «Внешнюю звуковую характеристику действующих лиц» он строил на согласных звуках и наиболее последовательно провел этот принцип в повести «Островитяне»: здесь «...каждому человеку соответствует свой лейтмотив, неизменно сопровождающий его появление»¹³⁸.

Слово в произведениях Замятиня, как правило, несет повышенную функциональную нагрузку. Лексический состав, синтаксические единицы, насыщенные глаголами действия, отглагольными формами причастий и деепричастий, — все это создает динамичность, экспрессивность художественного текста.

По мнению критика М. Слонима, в стиле Замятиня, «большого мастера композиции», содержится «указание на тот путь, который предстоит проделать русскому реализму» в будущем. Произведения Замятиня «в противовес зыбкости символизма и распространенности старого реализма достигают сжатости и резкой отчетливости изображения»; они «всегда прекрасно “сделаны”», «художественно продуманы», «отчетливо и гармонически построены», «все детали — необходимые детали целого»¹³⁹.

Если рассматривать понятие «стиль» как устоявшуюся форму художественного самоопределения отдельной личности и распространить его на различные виды человеческой деятельности, то, используя классификацию, предложенную немецким культурфилософом и психологом Э. Шпрангером¹⁴⁰, Замятиня с полным основанием можно отнести к типу эстетической личности. Многие характерные для этого типа черты свойственны Замятину — «все свои впечатления он преобразует в выражения», «воля к форме» определяет его бытовое поведение, внешний облик, его литературное творчество, выражает-

¹³⁷ Замятин Е. Соч. Т. 4. С. 592–593.

¹³⁸ Замятин Е. Я боюсь. С. 165.

¹³⁹ Слоним М. Литературные отклики: Евгений Замятин // Воля России (Прага). 1923. № 8–9. С. 93, 95.

¹⁴⁰ См.: Spranger E. Lebensformen: Geisteswissenschaftliche Psychologie und Ethik der Persönlichkeit. Fünfte vielfach verbersserte Auflage. Halle (Saale): Verl. v. Max Niemeyer, 1925. S. 165–192 (гл. 2 «Abschnitt: Die idealen Grundtypen der Individualität» — «Основные идеальные типы индивидуальности»). Книга «Формы жизни» (1-е изд. 1914) переиздавалась в Германии в 1921–1930 гг. шесть раз.

ся в «построении и оформлении самого себя» и в «универсализации эстетического видения, тотализации форм».

Отвечая на вопросы анкеты для сборника «Как мы пишем», Замятин рассказал, что тратит много времени на каждое произведение — «гораздо больше, чем это нужно для читателя», и все потому, что это «нужно для него самого». Себя он считал «самым требовательным и придирчивым критиком», оговорившись, что прислушивается также к мнениям товарищей, которые «знают, как делается роман, рассказ, пьеса: они сами делали это — и делали хорошо»¹⁴¹.

По признанию Замятина, он редко использовал случайные образы: «Случайный образ — от неуменья сосредоточиться, по-настоящему увидеть, поверить. Если я верю в образ твердо — он неминуемо родит целую систему производных образов, он прорастает корнями через абзацы, страницы. В небольшом рассказе образ может стать интегральным — распространиться на всю вещь от начала до конца»¹⁴².

Процесс переписывания рукописи для Замятина состоял в том, чтобы «все лишнее — выкинуть вон». «Это “лишнее” само по себе может быть и хорошо, но когда оно не необходимо, когда вещь может жить без него — оно вычеркивается беспощадно». Каждая фраза, по признанию писателя, сначала «десять раз примеряется в голове», прежде чем попасть на бумагу. «Незаконченных фраз, сцен, положений — позади я никогда не оставляю», «поправки сводятся обычно к переменам в эпитетах, образах, в расстановке слов, в музыке», — писал о характере своей работы Замятин. Оглядываясь назад и оценивая свой творческий путь, он определил смысл своего труда: «Все сложности, через которые я шел, оказывается, были для того, чтобы прийти к простоте <в рассказах «Ёла» и «Наводнение»>. Простота формы — законна для нашей эпохи, но право на эту простоту нужно заработать»¹⁴³.

В начале 1920-х гг. А. Левинсон указал на причину влияния личности и творчества Замятина на его современников: «...для тех же, кто знает лишь невысокую стопку его книг, оно подчас загадочно. Это власть личная, прямое излучение закаленной воли»¹⁴⁴. В некрологе Замятина (1937) Н. Волковыский не случайно отметил особый характер творческой манеры и всего облика своего бывшего коллеги по Всероссийскому Союзу писателей: «От всей его внешности, такой же просто-изысканной, каким был его дух, веяло таким

¹⁴¹ Цит. по: Замятин Е. Я боюсь. С. 168–169.

¹⁴² Там же. С. 166.

¹⁴³ Там же. С. 167–168.

¹⁴⁴ Левинсон А. Джентльмен: (Заметки о прозе Е. И. Замятин). С. 355.

контрастом со всем окружающим, такой органической англизированностью в высшем смысле этого затасканного перед войною слова, такой глубокой внутренней независимостью, что его дальнейшее пребывание в хаосе советского быта было наглядно нелепым. <...> Замятин слишком от другого мира, чтоб когда-нибудь внутренне слиться с окружением. Он навсегда должен был остаться “избранным”, “одиночкою” в стране, где ставка делалась на массу. <...> весь стиль его разговора, как и весь стиль его письма, были чуждыми советскому окружению, даже менявшемуся в своих бытовых формах»¹⁴⁵. Оценка Волковыского, вероятно, несколько преувеличена, но, в общем, верна.

Говоря о значении наследия Замятина для будущего, А. Ф. Даманская, отметив его значение для литературы, подчеркнула значение его личности: «Но неизмеримо значительнее духовное наследство его, незакрепленное в вещественных, темных знаках: память о литературном подвижничестве, о долгे внимания к литературным товарищам, о литературной честности, об исключительной нравственной опрятности...»¹⁴⁶. По мнению Даманской, и за пределами России эти черты могли оценить немногие его современники.

¹⁴⁵ Волковыский Н. Е. И. Замятин в советской обстановке. С. 386.

¹⁴⁶ Даманская А. Смерть Е. И. Замятина: (Письмо из Парижа). С. 378.